

**ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ IX.81.
КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА, ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ОБЛИКА НАРОДОВ, СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ;
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЕВРАЗИИ**

**Программа IX.81.1. Древнейшие миграционные процессы в Евразии:
ландшафтно-экологические, технологические и культурные аспекты
(координатор акад. А. П. Деревянко)**

В Институте археологии и этнографии установлено, что переход к верхнему палеолиту на Алтае начался 50—40 тыс. лет назад на основе постепенной эволюции местных среднепалеолитических традиций. Важной особенностью начала верхнего палеолита, наиболее ярко представленного в материалах из Денисовой пещеры (рис. 1), является присутствие костяных орудий и украшений из кости, бивня мамонта, зубов животных, скорлупы яиц страуса, раковин моллюсков и поделочного камня, изготовленных представителями ранее неизвестной популяции ископаемого человека — денисовцами. Наиболее значимы находки хлоритового браслета и мраморного кольца, при изготовлении которых использовались уникальные для палеолитического времени технологии — скоростное станковое сверление и

внутренняя расточка инструментом в виде рашпиля.

Рис. 1. Верхнепалеолитические украшения из Денисовой пещеры: украшения из зубов животных, мраморное кольцо и хлоритовый браслет.

**Программа IX.81.2. Этнокультурные процессы в Северной Азии: от древности
к цивилизации (координатор акад. В. И. Молодин)**

В Институте археологии и этнографии разработана концепция миграционных импульсов носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь. Предложено несколько вариантов моделей и исходных пунктов миграций. Миграционные потоки носителей андроновской историко-культурной общности в лесостепь Обь-Иртышья, начавшись в конце III тыс. до н. э., импульсивно продолжались, возможно, до первой половины II тыс. до н. э. Показано, что в результате длительных контактов в регионе уже в период развитой бронзы формируется достаточно мозаичная этнокультурная ситуация, которая еще более усложняется в период поздней бронзы и в переходное от бронзы к

железу время. Предлагаемая концепция находит подтверждение в результатах антропологических и палеогенетических исследований.

В том же Институте на основе раскопок 2009—2011 гг. памятников Осинное Озеро, горы Шапка (Западное Приамурье) установлены этапы заселения и освоения древним населением высокой поймы р. Амур. Отсутствие в культурных отложениях (рис. 2) артефактов старше позднеолитической осиноозерской культуры свидетельствует о том, что, примерно до времени 5 тыс. л. н. пойменные участки, в том числе и гора Шапка, природный и историко-культурный феномен Приамурья, были не пригодны для проживания. Можно предположить, что местность вокруг представляла

Рис. 2. Находки из неолитического слоя памятников Осинное Озеро и гора Шапка (Западное Приамурье).

собой систему протоков и заболоченных пространств. Таким образом, установлено, что до позднего неолита берега Амура, в настоящее время являющиеся коренными, не могли быть заселены человеком, что важно при проведе-

нии рекогносцировочных работ в амурской пойме и разработке культурно-хронологических схем данного региона.

Проведенный в Институте проблем освоения Севера комплексный анализ археологических и палеоэкологических данных (в том числе ботанических и геохимических маркеров) показал прямую зависимость между расположением поселений и системой жизнеобеспечения населения эпохи неолита—раннего железа. Установлено, что автохтонное родственное население на протяжении многих поколений контролировало определенную территорию, соответствующую их хозяйственным потребностям, несмотря даже на кризисные экологические (аридизация, подтопление территорий, изменение русел рек) или хозяйственные (затламливание, перевыпас) изменения, осваивая разные гипсометрические уровни или перенося поселки.

В том же Институте на основании систематизации результатов атомно-эмиссионного, спектроаналитического и металлографического анализа древних металлических изделий Тоболо-Ишимья впервые составлены региональные модели развития металлопроизводства коптяковской, федоровской, черкаскульской, бархатовской культур (рис. 3). Показана преобладающая роль сейминско-турбинской металлообработки в развитии коптяковского производства с более выраженным евразийским компонентом в сравнении в горно-лесным средним Уралом, в то время как черкаскульское и бархатовское металлопроизводство демонстрирует черты преемственности от алакульской и федоровской культур, далее находясь в сфере производственных влияний алексеевско-саргаринской культуры.

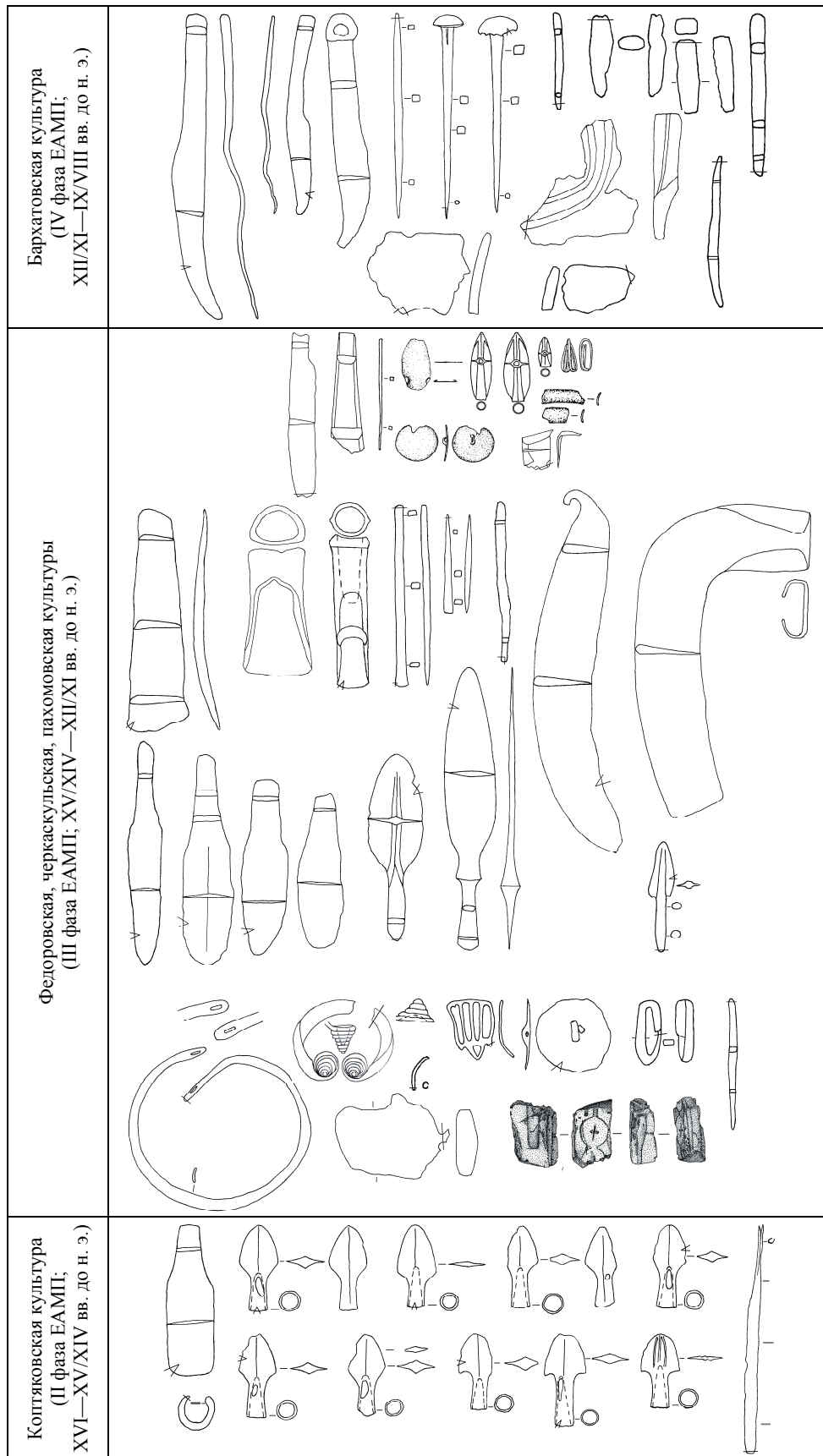

Рис. 3. Цветной металл эпохи бронзы Тоболо-Ишимья.
II—IV фазы Евразийской металлургической провинции (ЕАМП).

Программа IX.81.3. Сибирь и Арктика: антропология, этническая история, гуманитарные проблемы (координаторы докт. ист. наук А. Н. Багашев, докт. ист. наук Н. А. Томилов)

В Институте истории издана монография (рис. 4), в которой представлена общая ретроспективная картина российской государственной политики в Арктике, проанализированы ее основные направления, темпы и этапы развития на протяжении нескольких столетий. Рассмотрена эволюция оценок экономического потенциала российского Севера, эффективности способов хозяйствования, администрирования и демографического развития территорий с экстремальными природно-климатическими константами. Показано, что инициативы практического решения проблем освоения северных территорий в досоветский период не имели успеха. Масштабы пионерных капитальных вложений, необходимых для реализации крупных хозяйственных проектов, превосходили возможности мультимиллионных состояний сибирских золотопромышленников. Евророссийский и иностранный капитал без государственных льгот, привилегий и других гарантий не проявлял заинтересованности в хозяйственном освоении Севера. Постсоветскому частному капиталу Север достался с действующими производственными структурами и заделом на будущее, что дает основа-

ния рассчитывать на перспективу развития северной экономики.

В Институте проблем освоения Севера впервые обобщены и введены в научный оборот статистические данные (Приполярной переписи 1926—1927 гг. и похозяйственных переписей землеустроительных экспедиций: Надымской 1933—1934 гг., Тазовско-Пуровской 1934—1935, Ямальской 1934—1935 гг.), характеризующие численность тундровых и лесных ненцев в первой трети XX в. Установлена численность каждой группы, впервые представлены подробные демографические характеристики тундровых (тазовских, надымских, ямальских) и лесных ненцев. Полученные новые данные подтвердили ранее высказанную гипотезу, согласно которой отмечаемый рост численности тундровой группы (на 150 % с 1926 по 1939 г.) обусловлен в большей степени уточнением статистических данных от переписи к переписи, а не демографическими и этническими процессами. Выявленные количественные характеристики для лесных ненцев показывают отсутствие увеличения их численности, но не показывают и ее сокращения. Разные сведения о численности лесных ненцев являются результатом неточности административных границ, выбранного времени года, в котором проводилась регистрация, и ее продолжительности (рис. 5). Выполненный анализ подтверждает вывод об отсутствии вымирания среди ненцев-кочевников обеих групп, несмотря на то, что уровень рождаемости у них был ниже, чем у оседлых и полуоседлых народов (Volzhanina E. *The Interpretation of Nenets Demography in the First Third of the Twentieth Century // The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. P. 67—96).

В том же Институте на основе широкого круга источников введены в научный оборот сведения о правовой культуре сибирских татар в XVIII—начале XX вв., в том числе традиционном судоустройстве, судопроизводстве, органах самоуправления, нормативной практике в семейно-брачной, поземельной, хозяйственной сферах. Показано, что институтом выработке и объектом действия традиционных норм в среде сибирских татар всегда выступа-

Рис. 4. Траектории проектов в высоких широтах: коллективная монография / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Наука, 2011. 440 с.

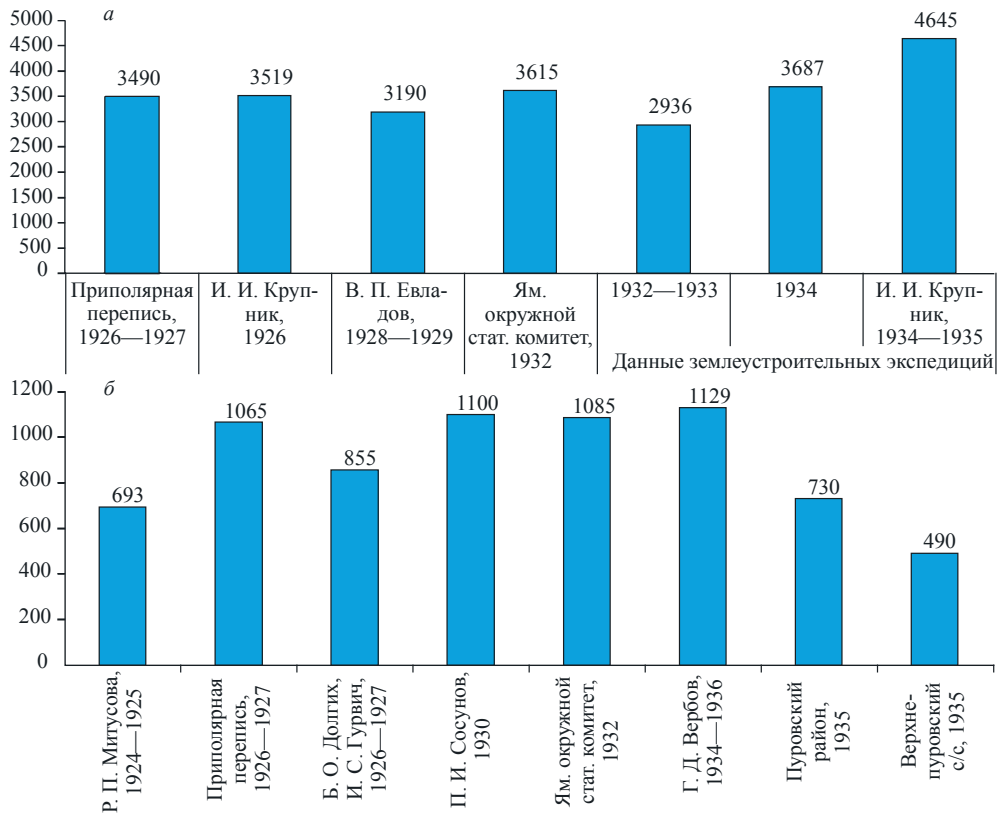

Рис. 5. Численность ямальских (а) и лесных (б) ненцев по данным: Приполярной переписи, Ямальского окружного статистического комитета, землеустроительных экспедиций, а также сведениям и расчетам исследователей.

ла сельская община: судебные полномочия имели все органы местного самоуправления — сельский сход, сельский староста, волостной старшина и волостной суд. Выявлена доминирующая роль норм обычного права (адата) и шариата в регулировании различных сторон повседневной жизни. В систему исполнительных органов традиционного мирского самоуправления было включено мусульманское духовенство (рис. 6). Представлена подробная характеристика современных процессов в социально-экономической и этнокультурной сферах, выявлены уникальный симбиоз элементов урбанистической культуры и, одновременно, усиление этнического самосознания и сохранения этнокультурной специфики. (Бакиева Г. Т. Обычай и закон. Очерки правовой

культуры сибирских татар в XVIII—начале XX века. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2011. 214 с.).

Рис. 6. Представитель мусульманского духовенства, принимавшего активное участие в управлении мусульманскими общинами: Абдельбари-хазрат — указной муллы из Кайнаульских юрт Вагайской волости Тобольского уезда (из личного архива Абдельмачита Шихабетдиновича Алеева (г. Тобольск)).